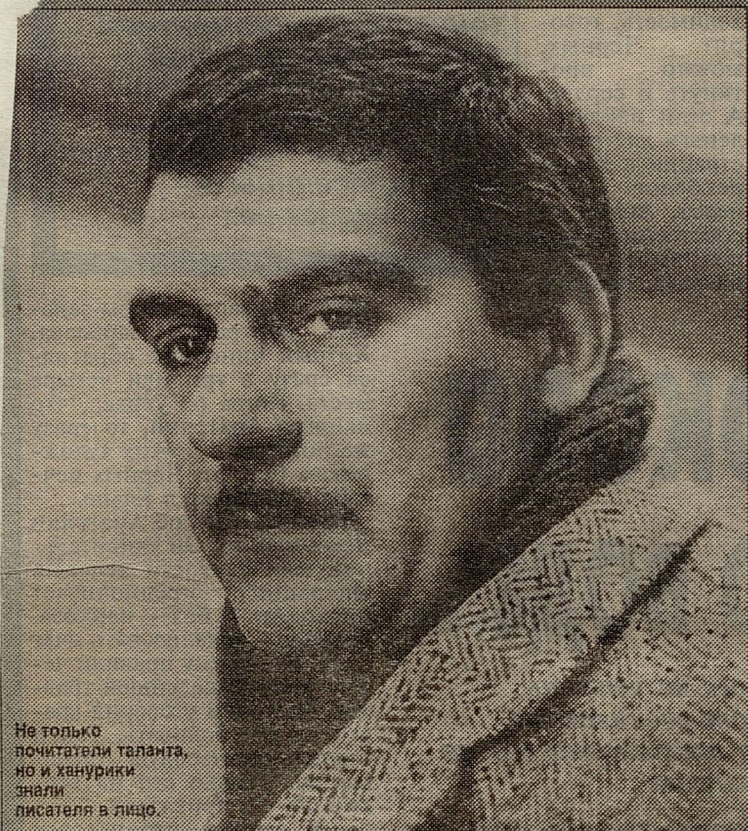

Пивной ларек как памятник СЕРГЕЮ ДОВЛАТОВУ

Не только
почитатели таланта,
но и ханурики
знали
писателя в лицо.

Выпивка

Во много времяпрепровождение Довлатова было связано с выпивкой: загулы возникали из ничего. Ханурики у ларьков знали Довлатова в лицо. Он пил наравне с ними.

Андрей Арьев как участник загулов: «Тогда был особый стиль пьянства. Часто выпивали в садиках на скамеечках. Алкоголь был самый жуткий: дешевое вино, пиво, позже - водка. Но водка была не часто, потому что она требовала закуски. А денег не было...

Загулы были совершенно бесшабашные. Я помню, как однажды выпивали у меня дома, и вдруг звонит приятель из-за Урала. Мы его давай приглашать, он отказывается, и тогда я говорю: «Ну ладно, сейчас сами приедем. Жди». По дороге протрезвели, в Свердловске купили еще и поехали дальше. А там нас встретили чин чинарем, мы отдохнули пару дней и вернулись домой. Конечно, жить с таким человеком было сложно. Лену (жену) он доводил до безумия...»

Однажды, по настоянию мамы, Довлатов пошел к психотерапевту, лечиться от алкоголизма гипнозом. Внятно и неторопливо врач говорит ему: «Теперь садьтесь на диван, теперь положьте ноги». Услышав «положите», Сергей расхохотался и убежал.

Переезды

Внезапно Довлатов пропал. Его не было видно ни в пивных, ни у общих знакомых. Оказалось, что он уехал, как всегда, очень внезапно, за компанию с кем-то из друзей, ничего с собой не взяв. Чуть ли не в одном пиджаке. Вероятно, его отъезд совпал с очередным кризисом в семейной жизни. Выяснилось, что он в Таллине. Поселился

там и работает в эстонской партийной газете журналистом. И хотя он всегда делал вид, что журналистика - это халтура, писал очень хорошо и считался лучшим русским журналистом.

В Таллине ему почти удалось осуществить свою мечту - выпустить книгу. Но в последний момент его общительность сыграла с ним злую шутку. Он оказался знаком с какими-то местными диссидентами, и уже набранную книгу пустили «под нож». Автоматически уволили из газеты. Пришлось возвращаться домой. В Эстонии остались Тамара (его таллинская гражданская жена) и маленькая дочь.

Андрей Арьев как экскурсовод в Пушкинских Горах: «Как-то я встретил Сережу на улице, он опять нигде не работал. Я тогда зарабатывал деньги в Пушкинских Горах. Там было очень спокойно, и даже что-то платили. И я привез его туда. Он поселился в избе, через дырку в которой к нему ходили собаки. «Гуляли» мы в ресторане «Витязь», как это описано в «Заповеднике». Сережа запил по-черному вместе с фотографом, у которого уже вообще никаких «тормозов» не было».

Следующей поездкой после Пушкиногорья были Штаты.

В конце 70-х Довлатова печатали в «Континенте», потом вышла «Невидимая книга» у Карла Проффера, и тут в дело вступило КГБ. Его арестовали на улице якобы за то, что он был в пьяном виде. В милиции избили и оставили в тюрьме на 15 суток. И - намекнули на дальнейшие неприятности.

Недавно в Питере на открытии фестиваля «Золотой Остап» на углу улиц Моховой и Белинского установили пивной ларек образца 70-х годов. Это стало своеобразным памятником Сергею Довлатову. На сегодняшний день - первым и единственным

Андрей Арьев как провожающий: «Сергей говорил мне: «Андрюша, я представляю, что будет в тюрьме, и если бы знать, что года три придется просидеть, то я готов». На что я ему сказал: «Неужели ты вообразил, что ты просидишь три года, вернешься обратно и что-то изменится. Почему ты думаешь, что после трех лет тебя начнут печатать?»

Отъезд был для него последней границей жизни. Он решил, что больше этот мир никогда не увидит, не будет общаться со своими друзьями и даже переписываться. Все. Подводится жирная черта, и он уезжает в другой мир. Сережа не просто покидал страну, он оставлял здесь своих друзей. Тогда ему казалось, что навсегда. Единст-

друзьям, по городу, по всему».

Андрей Арьев как его гость в Штатах: «Сережа сказал мне: я обо всем могу вспоминать, но о некоторых местах в Питере и о Пушкинских Горах даже вспоминать не могу, так сердце начинает колотиться».

По русской традиции большую душу Довлатов «купал» в алкоголе. А именно - в «Джоне Уокере». Работал он там как каторжный, не пил месяцами, буквально ни капли в рот не брал и вдруг срывался, на два, на три дня, на неделю.

«Для Сережи в Штатах алкоголь стал каким-то средством успокоения психики, - вспоминает Андрей Арьев. - Одной из наших любимых фраз была цитата из Хемингуэя:

«Стоит только немного выпить, и все становится, почти как прежде». Ему этого очень хотелось в эмиграции: чтобы все стало, как прежде. Бродский рассказывал, как в Лиссабоне, на очень престижной конференции, Сережа вдруг так загулял, что его пришлось отправить домой. К самолету его вели два нобелевских лауреата - сам Бродский и Милош. Это были истерические срывы».

С началом перестройки Довлатов начал планировать поездку в Россию. К тому же некоторые наши журналы напечатали его рассказы.

Сергей Довлатов из письма к Андрею Арьеву: «Я хотел бы

приехать не просто в качестве еврея из Нью-Йорка, а в качестве писателя, я к этому статусу уже привык и не хотел бы от него отказываться даже на время».

Он ждал, когда в России выйдет первая книга. Это была давнишняя мечта - издать книгу на родине. Показать литературным чинушам от номенклатуры, чего он добился.

В девяностом году в его родном Ленинграде была подготовлена первая книга. Это был «Заповедник». Андрей Арьев написал предисловие и отправил в Штаты Довлатову. В ответ пришла ужасная весть. Сергей Довлатов умер. Первая книга у него на родине вышла с его портретом в траурной рамке.

От чего он умер? Легче всего сказать: от водки. Ему так и сказали: цирроз печени, но родные знали, что это инфаркт. Его не успели привезти в больницу, и он умер в машине «Скорой помощи». Его сердце не выдержало.

...А в Питере, где открылся памятник русскому писателю Сергею Довлатову, раньше действительно был такой пивной ларек. И если еще кто-то жив из тех, кто там пил пиво, они наверняка придут и вспомнят Сергея Довлатова, ведь он там часто бывал.

Зинаида ЛОБАНОВА.

Р. S. Автор благодарит редакцию журнала «Звезда» за предоставленные материалы.

**Бродский рассказывал:
на очень престижной
конференции Сережа вдруг
так загулял, что к самолету
его вели
два нобелевских лауреата -
сам Бродский и Милош.**

венное, на что он надеялся, - что там его начнут издавать.

О его отъезде никто никогда не писал и не говорил. Несколько последних дней здесь было безумное пьянство, допивали еще в аэропорту перед посадкой. И мне запомнилось, как Сережа последним исчез в проеме, за ним - клетка с собакой Глашей, и дверь захлопнулась. Там, в самолете, он дико напился, у него оказалась еще бутылка водки. Потом он отключился, и его высадили в Будапеште».

Литература

Несколько лет Довлатов никому не писал. Только когда у него в Штатах появились какие-то публикации, стали приходить письма. Самый престижный литературный журнал Америки «Ньюйоркер» покупал его рассказы «впрок». Книги переводились на все языки и дошли даже до Японии. Воннегут рассуждал с ним о литературе, а Бродский, которого Довлатов боготворил, был «другом семьи».

В Штатах он стал другим. Слишком многое сразу изменилось в его жизни. Но ему там нравилось. Как писал он сам: «После каляевского спецприемника мне нравилось все. Но вместе с местным благополучием - признание, работа, дом - пришла жуткая тоска. По